

ПАВЕЛ КУТУЕВ,

доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Национального университета “Киево-Могилянская академия”

Сообщество ритуала модернизации: от логоса к культу

Abstract

The essay traces the evolution of the discourse on modernity in classical sociological theory. Then it moves on to conceptualize the causes and consequences of abuse of modernization theory by some members of Ukrainian academic community who distort its background assumptions. The article argues that these persons have created a community of ritual, thus rejecting the rational norms underlying research activities in a modern society. This community treats modernization not as a concept elaborated within the framework of rational discourse but as a phenomenon akin to cargo cult. The article examines how members of the community of modernization cult construct pseudoscientific illusion of their theory, methodology, sources and even subject-matter. It is suggested that the only antidote to this type of degenerative transformation of a logos into a cult is the revival of the culture of critical discourse in Ukrainian academic community.

Далее, я прошу Вас изучать эту теорию по первоисточникам, а не из вторых рук, — право же, это гораздо легче.

Ф.Энгельс

Предварительные размышления

Вне всякого сомнения, не будет преувеличением утверждать, что современная социологическая теория, с одной стороны, является продуктом современного общества, с другой — основным предметом ее исследования являются происхождение, природа и формы модерна. И основатели классической социальной теории — К.Маркс, М.Вебер и Э.Дюркгейм, и их правопреемник (по своему статусу) в XX веке Т.Парсонс, и более современные мыслители — имя которым легион, сосредоточивались на тех или иных аспектах модерна, надеясь создать общую теорию современного общества, способную объяснить его истоки, современное состояние и перспективы.

Благодаря центральности проблемы модерна для социологического дискурса его исследователям удалось (очевидно, незапланированно) достичь своеобразного интеллектуального и идеологического разделения труда, проявлением которого стало акцентирование разных измерений этого феномена, что нередко обуславливало противоположные оценки современного социума. Например, для Маркса модерн был тождественен капитализму, который, не смотря на свой уникальный динамизм, порождал собственное отрицание в форме коммунизма. Дюркгейма занимала проблема сохранения солидарности в современном социуме, тогда как мышлению Вебера было присуще внутреннее напряжение, превращавшее его дискурс во фрагментарный и антиномичный. Так, предвещая поступь целерациональности, Вебер концептуализировал модерн как бюрократизированный социум, в рамках которого продолжается непримиримый конфликт ценностей, названный им “войной богов”. Согласно Веберу, западная культура возникла как невольное следствие уникальной констелляции связанных между собой механизмом избирательного сродства факторов, среди которых наиболее значимым (но только под определенным углом зрения!) была этика аскетического протестантизма. Именно эта картина мира привела к парадоксальному результату: несмотря на свои религиозные корни, она инициировала процесс расколдовывания мира, превратив его в механистический космос. В то же время пессимизм Вебера в отношении судеб современного общества никогда не приобретал характера фатализма и профетической ненависти к его институциям (как это было, к примеру, в случае Маркса, сосредоточенного не столько на объяснении, сколько на трансформации мира). Так, известная Веберова метафора “стального панциря” из финальных пассажей “Протестантской этики” не означала “железную клетку” англоязычной традиции интерпретации Вебера, начало которой положил Т.Парсонс в 1930 году в переводе классического трактата немецкого мыслителя. Исследование британского социолога Д.Челкрафта убедительно доказало, что Вебер имел в виду именно “панцирь (имеется в виду панцирь улитки, а не элемент доспехов. — П.К.) / жизненное пространство, в пределах которого проходит человеческая деятельность и формирование ценностей... Индивид рождается в огромном мире капитализма, но переживает его на индивидуальном уровне. Панцирь, твердый как сталь, создает микросреду, в рамках которой индивид развивает собственный панцирь своего бытия. ...Чем сильнее ощущается стальной панцирь на индивидуальном уровне, тем меньше автономии существует для развития альтернативных стилей жизни внутри системы” [1, с. 31]. Панцирь является внешним ограничением для индивида, и одновременно он служит элементом его защиты, обеспечивая таким образом определенный уровень безопасности и даже мобильности, поскольку панцирь, в отличие от клетки, можно носить на себе. Но акцентирование достижений Вебера не должны умять тот факт, что его дискурсу были присущи стереотипы и ограничения эпохи *fin de siecle*, среди которых заметны и расизм (достаточно вспомнить известное высказывание Вебера о малопольском крестьянине, готовом питаться травой), и ориентализм¹.

Создавая собственную теорию модерна в 1930-е годы, Парсонс пытался защитить рациональность от выразительно крайних позиций: ленинизма и фашизма. Парсонс, являющийся интеллектуальным предтечей институци-

¹ Ориентализм Вебера детально задокументирован в исследовании Г.Ханга [2].

онализированого социологического дискурса о развитии и модернизации, никогда не был жизнерадостным “Демокритом-весельчаком” социологической теории, концептуальные очки которого фиксировали только общественное равновесие, поддерживаемое ценностями, то есть идеальными измерениями социума. Вопреки конвенционным интерпретациям своих научных разработок — в равной мере и сторонниками (в частности из среды теоретиков модернизации, для которых Парсонс является символом их связи с классиками), и оппонентами — гарвардский социолог направлял свои усилия на развитие волонтаристской социологической теории, которая бы охватила материальные и идеальные компоненты общества. Расценивая утилитаризм и марксизм как понятную реакцию на проблемы западной культуры, генерированные выделением экономики как автономной подсистемы и усилением важности экономических факторов вследствие индустриальной революции, Парсонс вместе с тем рассматривал и либеральный утилитаризм, и революционный марксизм как частичные ответы, не способные объяснить феномены солидарности и социального порядка в целом. Парсонс ни в коем случае не был склонен приуменьшать противоречия и напряжения модерна (“неудобства цивилизации”, по парадигматическому выражению З.Фрейда), явно осознавая связанные с ним вызовы дифференциации и сложность сохранения состояния персональной автономии в условиях потери ощущения безопасности, которое обеспечивали религиозная вера и принадлежность к сообществу. Выдвигая свою схему как аналитическую реконструкцию социального мира, открытую для совершенствования, Парсонс оставлял в пределах своей теории пространство для концептуализации конфликта, несмотря на акцентацию общей системы предельных ценностей. Подобная реинтерпретация не превращает Парсонса в мыслителя-антиномиста Веберового толка, одновременно она лишает легитимности трактовку его разработок как теории гармонии и порядка.

По точному наблюдению И.Валлерстайна, в послевоенном мире США преследовали три цели, которые были непреложной предпосылкой реализации права на счастье (провозглашенного Декларацией независимости), в свою очередь, операционализируемого как достижение благосостояния: наличие потребителей для американских промышленных товаров, мировой порядок, делающий возможными торговые операции с наименьшими затратами, и гарантия непрерывности производственного процесса. “США, — отмечает Валлерстайн, — принялись за работу ..., устраняя угрозу как своему благосостоянию, так и надеждам на еще большее благосостояние. США ссылались на свой идеализм ради защиты своих национальных интересов. США верили в себя и свою благость (goodness) и стремились служить миру, руководя миром таким образом, который они считали справедливым и мудрым” [3, с. 389]. В итоге в послевоенный период, определяющими чертами которого было состязание либерализма с ленинизмом на фоне краха колониальных империй, академическое теоретизирование о модерне изменило, во-первых, свой уровень: оно перешло с высот общей теории к построениям среднего уровня; во-вторых, на место саморефлексии западных обществ пришла сосредоточенность на новом измерении социальной реальности — на государствах третьего мира. Именно в это время появляется исследовательская программа модернизации, которая в 1950–1960-х годах была интеллектуальным гегемоном в западной академической среде, в 1970-х — первой половине 1980-х подверглась сокрушительному наступлению со стороны

исследовательских программ зависимости и развития недоразвития и мир-системного анализа, а с исчезновением ленинизма вступила в этап восстановления своей репутации, популярности и влияния¹.

Своеобразный “ренессанс” влияния мышления о социальном развитии в терминах модернизации на Западе имел своим следствием диффузию этой концепции в постленинские страны, диффузию, которая вооружила многочисленных исследователей эвристическими теоретическими основаниями и исследовательским инструментарием². В свою очередь, марксистски настроенный М.Буравой воспринял возрождение теории модернизации как признак регресса социальных наук. По его убеждению, установление интеллектуальной связи транзитологии с теорией модернизации было достаточным основанием для отрицания ценности дискурса о “транзите”³. Транзитологи также воспроизвели старейший грех теории модернизации — “некритическое использование категорий, разработанных на основе специфического опыта западного капитализма, с целью постижения радикально отличного опыта некапиталистических обществ” (другим “смертным” грехом является ловушка мышления в терминах дихотомии “традиция — модерн”, поскольку “эта концептуальная система координат маскирует особую классовую структуру и системные черты государственного социализма...” [8, с. 777–781])⁴.

Использование вторичных идей, то есть концепций, развивавшихся в совершенно ином контексте⁵, — это всегда потенциальная угроза некоррект-

¹ Я изучил контекст возникновения и эволюцию исследовательской программы модернизации, а также ее взаимодействие с оппонентами в своей работе “Концепции развития и модернизации: эволюция исследовательских программ социологического дискурса” [4]. Влиятельный американский социолог Э.Тириакийн в непосредственной полемике с Валлерстайном призывал возродить теорию модернизации, сформулировав парадигму № 2, парадигму, более чувствительную к волюнтаристским (на языке Парсонса) или агентным (на языке социальной теории, начиная с 1980-х годов) элементам социальной организации, к гражданскому обществу и к требованиям автономий и свободы [см.: 5].

² Примером творческого применения концепции модернизации к “государственному социализму” служит исследование Р.Андорки [6].

³ Позже Буравой глумливо согласился с тезисом о переходе к капитализму, одновременно отрицая факт трансформации постленинских обществ, которые, по его мнению, перешли к дегенеративным социальным формам [7].

⁴ Я не разделяю негативистскую установку Буравого в отношении исследовательской программы модернизации. Я также считаю, что его противопоставление марксистской традиции, с одной стороны, и буржуазной социологии — с другой, хоть и стимулирует неортодоксальное мышление, акцентируя определенное измерение проблемы, одновременно ограничивает свободу выбора исследователями аналитического инструментария (подр. см.: [9; 10]).

⁵ Эту мысль развил М.Мамардашвили, сделавший следующее наблюдение: “...С формальной точки зрения и мы говорим, несомненно, на том же самом языке, черпая термины из европейского источника: это язык Монтескье, теоретиков естественного права и т.д. Но те же самые слова не имеют у нас объекта: у них объекты либо несуществующие, либо призрачные...” [11, с. 110]. Сегодня, конечно, сомнителен пафос евроцентристской однозначности, присутствующий в словах Мамардашвили; в то же время я не сторонник радикального “отказа” и перехода на позиции столь же идеологически нагруженного ориентализма (о последнем подробнее речь пойдет в моей работе: [12]).

ной интерпретации и неадекватного применения заимствованных категорий. Обращение к концепции модернизации не является исключением и нередко сводится к ритуальному жонглированию несколькими терминами, теряющими свое сложное и неоднозначное содержание и превращающимися в средство получения ученых степеней при отсутствии даже формальных признаков исследовательской работы. Учитывая размах и угрожающие масштабы подобных практик, касающихся именно концепции модернизации, я в этой статье сосредоточусь на рецепции исследовательской программы модернизации тем сегментом украинского сообщества обществоведов, который творит феномен, лишенный каких-либо черт рационального дискурса.

Мое исследование — не рецензия и не полемика с представителями этой “школы” модернизации, поскольку подобные формы вовлечения легитимируют претензии этих авторов на научность, на что они никак не вправе надеяться из-за нарушения всех конвенций академического дискурса. Вместе с тем эти авторы активно продуцируют диссертации, монографии и учебники, которые злоупотребляют концепцией модернизации, таким образом дискредитируя эту исследовательскую программу и предоставляя коллегам неточную — шире говоря — ошибочную информацию о феноменах, существование которых сначала необходимо доказать¹ (еще более опасно то, что тотально искаженное представление теории модернизации дезинформирует студенческое сообщество о сути аутентичных аргументов этого направления).

В качестве case-study я выделил работы трех украинских обществоведов: В.Горбатенко [13; 14], Г.Зеленько [15] и О.Ткача [16; 17]. Такой выбор неслучаен: во-первых, в названиях монографий (и диссертаций) всех этих авторов присутствует термин “модернизация”; во-вторых, эти авторы образуют стойкую группировку: В.Горбатенко активно цитируется Г.Зеленько в собственной монографии, он также был оппонентом О.Ткача, что красноречиво свидетельствует о преемственности их взглядов и общности “исследовательских”² практик. Более того, инвариантное присутствие отдельных нарративов в текстах этих авторов позволяет обозначить их как представителей одного “общества ритуала”, объединенных вокруг некоего подобия

1 Хочу подчеркнуть, что речь идет о двойной неточности: утверждения, которые следует отнести к разряду фантастических, — например, “реформатор” Б.Хмельницкий — подаются как “научные” концепции; вторым шагом становится обсуждение этих фантомов с привлечением неточных данных, создавая, таким образом, гармонию между антинаучными концепциями и отсутствием эмпирической базы.

2 Я намеренно с самого начала беру в кавычки термины типа “исследовательский” и “научный”, когда речь идет об указанных авторах, поскольку, как далее я попытаюсь доказать, их тексты не имеют отношения к жанру научного исследования — даже в самом либеральном понимании, — репрезентируя стиль мышления, характерный не для академического сообщества, а скорее для религиозного культа. Говоря о рациональном дискурсе, я осознаю весь комплекс противоречий, присущих понятию рациональности, и в то же время хочу подчеркнуть, что исследование Геллнера “Разум и культура: Историческая роль рациональности и рационализма” [18] убедительно демонстрирует, что несмотря на неоднократные изменения взглядов ученых на рациональность (даже трактовку рациональности как феномена, укорененного в культуре, то есть в столь немилых Декарту “примере и обычае” [19, с. 255.]), отсутствие консенсуса касательно природы рациональности не оправдывает произвола в отношении “логики научного исследования”.

“культу́а кáрго”¹ (я образовал термин “сообщество ритуала” по аналогии с понятием “сообщество дискурса”, введенным Р. Уатноу [см.: 21]). Хочу также акцентировать то, что я использую термин “ритуал” в его повседневном значении, иначе говоря, подчеркиваю его механистичность, ненастоящность и вторичность [см.: 22, с. 8].

После этих предварительных размышлений логично перейти к анализу структурных элементов ритуала употребления (точнее, злоупотребления и искажения) концептуального аппарата исследовательской программы модернизации.

Теоретико-методологические основания

Тексты сторонников этого направления удивительно лаконичны в отношении своих теоретико-методологических оснований и обычно ограничиваются простым перечислением исследовательских стратегий, заимствованных из энциклопедий и учебников, всячески избегая их экспликации, не говоря уже о применении этих принципов в практике исследования. Таким образом, ритуально упоминаются системный и структурно-функциональный метод и многие другие, в совокупности призванные гарантировать реализацию принципов объективности, полноты и непротиворечивости последователям специфического варианта использования понятия модернизации [см.: 17, с. 3].

Методологическое убожество сообщества ритуала материализуется в восхищении его представителей разделением процессов модернизации на органичные (западные) и неорганичные (присущие Остальным)². В органи-

¹ Так называемые культы кáрго (cargo cult) были распространены среди племенных обществ — особенно Новой Гвинеи и Меланезии — на начальных стадиях их контакта с представителями западных стран. Поборники этих культов верили, что грузы, прибывавшие в их регионы, действительно были созданы богами для них, но белые люди нечестным путем присвоили эти товары себе. В некоторых случаях предметом культа становились белые люди, отправлявшие эти грузы. В ходе войны на Тихом океане (1941–1945) часть постоянного потока товаров для обеспечения американских войск попадала к местному населению. По окончании войны и прекращении военных поставок сторонники культов кáрго имитировали процесс доставки грузов авиацией, используя деревянные макеты наушников и антенны из ростков бамбука и надеясь таким образом вызвать духов — владельцев этих привлекательных и полезных грузов. Американский физик, лауреат Нобелевской премии, Р. Фейнман предложил термин “наука в стиле культа кáрго”, заметив, что несмотря на имитацию деятельности аэродрома меланезийцами, самолеты все равно не прибывают. На самом деле “наука в стиле культа кáрго” имеет только внешние признаки научной деятельности, признаки, являющиеся всего лишь имитацией и подделкой [см.: 23].

² Некритическое воспроизводство этой типологии в очередной раз делает наглядными две характерных черты сообщества ритуала: нежелание идентифицировать источники своей мудрости и несамостоятельность мышления. Типологией “органичная versus неорганичная модернизация” пользуются российские исследовательницы В. Федотова [24] и Н. Зарубина [25]. Но размышления Федотовой гораздо более логичны и прозрачны, нежели эпигонство сообщества ритуала; кроме того, текст Зарубиной является учебником, то есть написан в жанре, предполагающем сознательное упрощение и депроблематизацию освещаемых вопросов. В отличие от этого исследовательские монографии, в идеале, руководствуются абсолютно противоположным принципом, а именно — поиском и акцентацией неразрешенных проблем.

цистском мышлении кроется серьезная угроза социальным наукам, поскольку оно противоречит принципу постижения общества как особой реальности, не редуцируемой к своему природному окружению. Что заставляет модернизаторов а la Горбатенко и Зеленко считать, что модернизация Европы и США (в свете весьма непростой истории этих стран, претерпевших огромное количество межгосударственных и гражданских войн, классовых и национальных конфликтов, рабовладения и/или работорговли) была органичной, остается без объяснений, а значит непостижимым для того, кто не обладает герметичным жаргоном сектантов-модернизаторов. Более того, обозначив западный тип формирования модерна как органичный, защитники такого взгляда сразу же оказываются в ловушке евроцентризма, поскольку даже на уровне повседневного сознания органичное воспринимается как большее благо, чем неорганичное, следовательно, Европа становится образцом для подражания для Остальных. Подобный подход также страдает априоризмом: провозглашение определенного типа развития органичным автоматически обесценивает другие модели социальных изменений, одновременно делая невозможной фиксацию проблем, конфликтов и противоречий, возникающих в рамках “образцовой” модернизации¹. Ознакомление с работами сравнительно-исторических политических социологов (таких как Б.Мур, М.Манн, Ч.Тилли, Р.Коллинз, Т.Скочпол, Дж.Голдстоун и Г.Дерлугьян)² лишает заявление о “органичной модернизации” даже намек на убедительность и научность.

Несмотря на декларируемую сосредоточенность на модернизации, все эти авторы обязательно упоминают о постмодерне и постмодернизации, обнаруживая последнюю едва ли не во всех уголках планеты — от Латинской Америки до Украины. На фоне постоянного камлания о силе традиционализма, к примеру, в Латинской Америке, заявление о ключевой важности для этого региона проблемы постмодернизации воспринимается как плохая шутка [17, с. 1]. Но приверженцы модернизационного культа сохраняют серьезность и утверждают, что “стратегическим институциональным измерением политической модернизации стран Латинской Америки является поиск путей совершенствования законодательной, исполнительной, судебной власти” [17, с. 10]. Невольно возникает вопрос, на который, разумеется,

¹ Здесь уместно привести провокативные рассуждения Дж.Голдстоуна, который экзплицировал роль случая в обеспечении лидерства Европы — в частности Англии — на пути индустриализации и создания культуры толерантности [26]. “Евроорганицистская” установка настолько ослепляет ее сторонников, что они не замечают существования целого направления в современных социальных науках, направления, защищающего идею о продолжительной (до XIX века) гегемонии Востока и ее нынешнем возрождении [см.: 27; 28; 29; 30; 31].

² Дж.Александр, обосновывая тезис о центральности классиков для социально-научного дискурса, обратил внимание на одинаковую важность присутствий и отсутствий (речь идет о персоналиях влиятельных мыслителей), поскольку, по убеждению Ж.Деррида, осуществить “деконструирование философии означает не только исследовать историю ее ключевых концепций, но и определить с позиции, “внешней” по отношению к автору, что именно эта история смогла скрыть и запретить, конституируя себя как история при помощи этого механизма репрессии” [цит. по: 32, с. 34]. Культу модернизации свойственна непревзойденная репрессивность, основанная на некомпетентности, делающая невозможным использование этой группой знаний, накопленных глобальным социально-научным сообществом.

напрасно искать ответ в текстах авторов сообщества ритуала: из тезиса о существовании стратегического измерения модернизации Латинской Америки вытекает, что **ВСЕ** страны региона сфокусированы на решении ранее отмеченных задач. Но как вписать опыт Кубы, которая сейчас не осуществляет переход к демократии и не заимствует “элементов стратегии у США”¹, в эту псевдомодель модернизации, не говоря уже о постмодернизации?

Я ни в коем случае не ставлю под сомнение целесообразность использования концепции и самого термина “модернизация”, но для того, чтобы оно имело хоть какое-то значение, этому понятию следует дать определение, более или менее адекватное уровню теоретического знания современного научного сообщества, а также дать конкретное эмпирическое наполнение. Вместо этого представителям данной секты в отечественном научном сообществе присущ особый стиль мышления, главной чертой которого является полная бездоказательность. Логический закон достаточного основания не действует в ментальном пространстве сообщества ритуала. Авторы-сектанты используют язык, не являющийся описанием, объяснением и интерпретацией реальности, а скорее служащий заклинанием или примитивной агиткой. Поэтому тезисы постулируются как самоочевидные, но никогда не доказываются. К примеру, выделяя три стадии развития теории модернизации, ни В.Горбатенко, ни Г.Зеленько не обременяют себя задачей объяснить миру, по каким критериям эти фазы выделяются. Читателям предлагают воспринимать утверждения о постоянном совершенствовании теории модернизации *for granted and at face value*. Не нужно быть профессиональным критиком теории модернизации в духе А.Г.Франка или И.Валлерстайна (которые отрицают ее ценность в принципе), чтобы заметить, что развитие этой исследовательской программы характеризуется как связностью и прогрессивностью, так и кризисами и упадками.

Интеллектуальные источники

В общественных науках, которые, по справедливому и меткому выражению Дж.Александера, в противовес скептическим и линейным естественным дисциплинам, являются горизонтальными и догматическими, библиография отражает академическую идентичность автора, его принадлежность к той или иной исследовательской программе. Выбор интеллектуальных предшественников говорит больше о реальной самоидентификации исследователя, чем формально провозглашенная им парадигмальная ориентация. Источники мудрости В.Горбатенко, Г.Зеленько и О.Ткача не слишком многочисленны. Вдохновляют этих “модернизаторов” преимущественно труды российских авторов, публикации сотрудников Института государства и права НАН Украины и Института политических и этнонациональных исследований НАН Украины, а также переводы зарубежных авторов. Складывается впечатление, что исследовательская программа модернизации формировалась не в Университете Чикаго и Массачусетском институте технологии, а в недрах академических институтов постсоветских стран.

¹ Известный американский специалист по политике Латинской Америки П.Смит издал книгу о демократизации этого региона, сосредоточившись на шести парадигматических случаях: Аргентины, Бразилии, Чили, Мексики, Никарагуа и Венесуэлы, что, вне всякого сомнения, является более реалистичной задачей [33].

Сторонники модернизационного культа вообще небрежно относятся к своей обязанности определить свою связь с предшественниками. Имена ученых и названия теорий мелькают в их текстах как в калейдоскопе; не разобравшись с одним направлением, члены сообщества ритуала переходят к другому, чтобы и его оставить непроанализированным и неактуализированным. Такой стиль был бы недопустим даже тогда, когда бы автором был студент, а жанром — курсовая работа. Отсутствие профессионально и качественно выполненного обзора научной литературы свидетельствует не только о невладении достижениями современных социальных наук. Это отсутствие не позволяет использовать концепции и методы исследования, которые помогли бы этим авторам в определении интеллигентного предмета исследования и в дальнейшем анализе этого предмета.

Общественно-научные изыскания можно классифицировать по двум типам: изучение идей других, которое нередко пересекается с теоретическим строительством, и эмпирически ориентированные исследования. Исследование по конструированию теории и истории идей оценивается на основе того, насколько его автор знает первоисточники, и критерием здесь выступает библиография публикации. В том случае, когда исследовательская программа, возникшая в зарубежном академическом сообществе, репрезентируется и применяется при помощи источников, не являющихся аутентичными, иначе как имитацией исследования эту деятельность не назовешь. “Качество” эмпирически ориентированного исследования измеряется тем, к каким данным обращается автор. Приходится с сожалением признать, что представители сообщества ритуала не соответствуют критериям ни историко-теоретических, ни эмпирических исследований. Горбатенко и Ткач не используют никаких эмпирических данных (а именно прессы стран, на освещение политического развития которых претендуют авторы, данных социологических опросов, статистики, законодательных актов, интервью с ключевыми политическими/общественными деятелями и активистами), чтобы сделать свои гигантоманские суждения содержательными¹.

¹ В.Горбатенко и О.Ткачу весьма пригодился бы хотя бы журнал “The Economist”, регулярно публикующий информацию о политических и социально-экономических процессах во всех регионах мира, но даже этот широкодоступный источник для них недосыгаем. В фантазмагорическом мире сообщества ритуала внимание к деталям и фактам подменяется непрезვიдентными по стилистической бездарности и фактологической иррелевантности тезисами типа: “Например, в Мексике, где после 1945 г. правительства сменялись часто” [16, с. 192]. Что имеется в виду под сменой правительств при президентской системе, где президент одновременно является главой государства и исполнительной власти — именно такова институциональная архитектура политической системы Мексики, — остается загадкой (ни одного случая досрочного прекращения президентом Мексики своего шестилетнего срока в послевоенное время истории неизвестно). В тех единичных случаях, когда О.Ткач прибегает к изложению эмпирической информации (зачастую устаревшей, скажем, обсуждая Венесуэлу, он даже не упоминает об У.Чавесе, избранном президентом в 1998 году), этот автор ограничивается поверхностным описанием, литературная форма которого напоминает произведения потока сознания: “Получив власть, обе партии (речь идет о венесуэльских Социал-христианской партии и Демократическом действии. — П.К.) смогли прочно закрепиться благодаря нефтяной индустрии”, или “...кризис переживает двухпартийная система Уругвая, которая опиралась на прочный законодательный фундамент. Историческое господство обеих (неназванных! — П.К.) партий по-

Приверженцы модернизационного культа упоминают имена основателей исследовательской программы модернизации сугубо ритуально и не обременяют себя профессиональной обязанностью сослаться на их труды. Наиболее заметным пробелом в работах этих трех авторов является то, что в них не нашлось места для трактата Хантингтона “Политический порядок в меняющихся обществах”, который даже жесткий оппонент теории модернизации И.Валлерстайн рассматривал как обязательный для ознакомления для всех, кто занимается проблемами социальных изменений. В то же время в созданном Г.Зеленько списке ученых, работающих в жанре сравнительных политологических исследований, наряду с Алмондом, Вейнером, Паем и Вербой присутствует Валлерстайн (которого она транслитерирует как “Волерстайн” [15, с. 15]). Означает ли такое включение основоположника мир-системного анализа в реестр основателей исследовательской программы модернизации, что он также рассматривается как сторонник теории модернизации? Если это так, то целесообразно задаться закономерным вопросом: как объяснить присутствие Валлерстайна среди теоретиков модернизации на фоне его призывов похоронить теорию модернизации и не нарушать ее вечный покой, поскольку она полностью себя дискредитировала интеллектуально и идеологически?

Другим примером ритуального подхода к имеющимся достижениям общественных наук является тиражирование концепций, занимающих второстепенное место в дискурсе их авторов. И В.Горбатенко, и О.Ткач упоминают идеи А.Турена, но почему-то в поле их зрения попадает не разработанная французским социологом оригинальная критическая теория модерна, а его концепции контрмодернизации как “модернизации в обход модерна” [см.: 13, с. 32; 16, с. 20]. Чем мотивирован выбор именно этого понятия Туренова дискурса, авторы не объясняют. В.Горбатенко ссылается на Туренов трактат “Критика модерна”¹, который собственно проблему контрмодернизации даже не затрагивает, а вот в библиографии книги О.Ткача ни одной работы Турена НЕТ! Упомянув о контрмодернизации, О.Ткач опять возвращается к этому понятию только раз в своем тексте, когда пишет следующее: “В современных условиях исследуется проблема контрмодернизации. Согласно французскому ученому Турену это альтернативный вариант политических преобразований, предполагающий форсированное политическое развитие исключительно по инициативе “сверху” при условии централизации власти, приоритета политической системы, а не человека” [16, с. 22]. Вероятно, сосредоточенность О.Ткача на контрмодернизации объясняется тем, что это понятие упомянул его предшественник В.Горбатенко; оно также фигурирует в публикациях российских авторов (к примеру, Н.Зарубиной и В.Иноземцева, см.: [25; 35]). Я акцентировал пример с Туре-

шатнулось” [16, с. 195]. Или: “Политической культуре (Гватемалы. — П.К.) присуща традиция прямого действия. Фермеры блокировали дороги, пикетировали, когда страну захлестнул бунт студентов. Профсоюзы присоединились к ним” [16, с. 223]. Когда именно и почему происходили эти апокалиптически окрашенные события, О.Ткач НЕ СООБЩАЕТ, поэтому остается непонятным, какая причинно-следственная связь существовала между фермерами и мятежными студентами и о каких событиях вообще идет речь (возможно, автор имеет в виду свержение военной диктатуры в 1944 году, но этого он никак не конкретизирует).

¹ Подробнее о теории модерна Турена см.: [34].

ном, поскольку он типичен для членов сообщества ритуала, которые формируют свое представление о ведущих теоретиках не по их оригинальным трудам, а пользуясь преимущественно вторичными источниками, среди которых нередко попадаются и учебники, рассчитанные на студентов¹.

Фактически в текстах представителей сообщества ритуала классики и выдающиеся ученые выполняют функцию духов предков: им курят фимиам, но их достижения никак не утилизируются. Собственно название имен классических и просто влиятельных мыслителей в рамках культуры модернизации утрачивает черты рационального механизма идентификации интеллектуальных предшественников (сформулированной ими проблематики и путей ее разработки). В отличие от этого такое провозглашение имен является ритуалом, в рамках которого оперируют суррогатом идей — а la бамбуковые палочки меланезийцев и новогвинейцев, которые, несмотря на свое внешнее сходство с радиоантенной, все же не способны принимать радиосигналы.

Интеллектуальная “безродность” сообщества ритуала спорадически становится трагикомичной. Изложение идей, авторство которых принадлежит другим, согласно научной этике (а также требованиями ВАК Украины), должно сопровождаться ссылкой на авторов заимствованных мыслей. Например, В.Горбатенко неоднократно использует концепцию кризисного синдрома модернизации — своего рода “пятичленку” его “теории модернизации” — элементами которой являются кризисы идентичности, легитимности, проникновения, участия и распределения [17, с. 17]. В то же время В.Горбатенко мастерски избегает вопроса о том, кто является автором этой концептуальной матрицы. В данном контексте отсутствие ссылок на работы других со стороны В.Горбатенко подводит читателя к единственно возможному выводу: украинский автор претендует на то, что именно он ввел концепцию кризисного синдрома модернизации в академический дискурс. В свою очередь, О.Ткач также использует “кризисную пятичленку”, дав ей другое название — он называет ее критериями эффективности модернизации политических систем [16, с. 32], — но так же избегает хотя бы контурного определения источников своего знания.

Таким образом, тексты членов сообщества ритуала схожи с трагикомедией: трагическим элементом является небрежное отношение к своей обязанности идентифицировать реальных авторов идей, которыми оперируют, а комическим — наивное преклонение последовательницы В.Горбатенко Г.Зеленько перед его авторитетом, преклонение, материализовавшееся в следующий пассаж: “Крайне отрицательным и наиболее опасным конфликт-

¹ Представителям сообщества ритуала не помешало бы воспользоваться опытом Хантингтона: американский ученый демонстрирует прозрачность и четкость как своего нарратива, так и содержательной аргументации. Вместо этого текстам культа модернизации присущи путаница и фрагментарность. Ярким образцом их телеграфно-алогичного стиля является такое суждение О.Ткача: “Политическая модернизация включает в себя прогрессивные изменения во всех основных компонентах политической системы: политике, экономике, культуре и социальной сфере” [16, с. 24]. То есть, согласно О.Ткачу, политическая система включает в качестве своих элементов и экономическую, и культурную, и социетальную подсистемы. Такой радикальный разрыв с положениями классиков социальной теории, скажем, Т.Парсонса, для которого именно социальная система была более широким понятием по сравнению с политической сферой, требует объяснения и обоснования, которых автор не дает.

но-кризисным явлением в условиях переходного общества, согласно Владимиру Горбатенко, является “кризисный синдром модернизации”: противоречивое взаимодействие между процессом дифференциации, требованиями равного политического участия, равномерного распределения ресурсов власти и — способностью политической системы к интеграции, базирующейся на эффективности политических и административных решений” [15, с. 20]. Эта цитата доказывает, что для Зеленько именно Горбатенко, который не является автором концепции “пяти кризисов”, имеет приоритет по сравнению с реальными творцами.

Но кому же по праву принадлежит честь формулировки этой концепции? Доподлинно известно, что она появилась задолго до 1999 года — даты выхода в свет книги Горбатенко. Идея кризисов и последовательностей политического развития — именно таково аутентичное название этой теории и одноименного труда ее авторов — была высказана в 1971 году Л.Биндером, Л.Паем, Дж.Коулменом, С.Вербой, Дж.Лапаломбарой, М.Вейнером и опубликована в седьмом томе серии “Исследования по политическому развитию” (*Studies in Political Development*), издававшейся Принстонским университетом [см.: 36]. Этот текст американских авторов, — популярность которого достигла такого уровня, что его обсуждение даже включают в американские учебники для студентов бакалаврата¹, — всесторонне анализирует каждый из пяти элементов кризисного синдрома политического развития: Па́й исследовал кризисы идентичности и легитимности, Вейнер — участия, Лапаломбара — проникновения и распределения. (Ткач, в стиле персонажа комедии дель арте, называет концепцию 1971 года “свежим подходом” и приводит имена только двух — из шести — ее авторов, а именно Коулмена и Пая [см.: 16, с. 61]).

Но помимо этических измерений — то есть необходимости воздать должное уважение реальным авторам концепции — эта ситуация имеет также сугубо интеллектуальную сторону. Незнание первоисточника со стороны членов сообщества ритуала делает невозможным для них использование всего спектра идей, содержащихся в тексте американских ученых, например, дефиниции политического развития, предложенного Дж.Коулменом, дефиниции, которая пригодилась бы сторонникам культа модернизации на фоне их беспомощно-тавтологических попыток определить политическую модернизацию/развитие². Более того, авторы седьмого тома “Исследования

¹ См., напр.: [37].

² По Дж.Коулмену, политическое развитие определяется как “процесс длительного взаимодействия между процессами структурной *дифференциации*, императивами *равенства* и *потенциалом (scarcity)* политической системы к интеграции, ответу и адаптации. Взаимодействие этих трех измерений конституирует феномен, который мы назвали “синдром развития”. Политическое развитие под таким углом зрения — это приобретение политической системой — через сознательные действия — качественно нового и усиленного политического потенциала, который прослеживается в успешной институционализации: 1) новых образцов интеграции и проникновения, регулирующих и сдерживающих напряжение и конфликты, порожденные растущей дифференциацией; 2) новых образцов участия и распределения ресурсов, адекватно отвечающих требованиям, порожденным императивами равенства. Обретение такого потенциала, в свою очередь, является решающим фактором решения проблем идентичности и легитимности [36, с. 74–75]. В свою очередь, О.Ткач предлагает следующую бессодержательную дефини-

ний” предлагают дифференцированное трактование своих категорий. Так, Пай определяет четыре типа кризисов идентичности и легитимности, а Вейнер считает необходимым выделить четыре типа кризиса участия и анализирует возрастание участия относительно изменений политической системы в целом.

Молчание членов сообщества ритуала о реальных авторах концепции, активно используемой в их текстах, контрастирует с практикой гиперактивного упоминания ими имен ученых, которые имели или имеют хоть малейшее отношение к теоретизированию о модерне, модернизации и постмодерне¹.

Оперируя любой теорией, вполне закономерно задаться вопросом, имеются ли основания использовать данную концептуальную матрицу как неопровержимую истину. Глашатаи сообщества ритуала не имеют ни малейшего сомнения в обоснованности теории кризисов и последовательностей политического развития (тот факт, что они “отредактировали” ее название, никак не сказался на содержании и структурных элементах их версии концепции, оставшихся тождественными американскому оригиналу). Все представители сообщества ритуала обходят молчанием тот факт, что два следующих тома из той же серии “Исследования по политическому развитию” под редакцией таких известных исследователей, как Ч.Тилли [38] и Р.Грю [39], задекларировали несоответствие теории кризисов политического развития ни реалиям европейского пути развития, ни опыту стран третьего мира. Более того — в 1975 году книгу “Кризисы и последовательности в политическом развитии” жестко раскритиковали во влиятельном американском журнале “American Political Science Review” [40], поскольку, по мнению рецензентов, авторы тома не справились с поставленной перед ними задачей выстроить целостную теорию, несмотря на масштабную деятельность Комитета по сравнительной политике Совета социально-научных исследований, который только на поддержку полевых исследований 34 ученых в 21 стране мира израсходовал 200 тыс. дол. США в период с 1954 по 1971 год. Однако Р.Холт и Дж.Тернер утверждают, что теоретики политического развития не смогли дать четкого определения своим концепциям; рецензенты также инкриминируют авторам неумелое использование статистических данных, которые не выявляли тенденции в их динамике (например, информация о количестве учащихся школ сама по себе не конституирует доказательства в пользу тезиса о важности школ как агента социализации [40, с. 982]). На фоне присущей сторонни-

цию: “Вообще *явление* политической модернизации (курс. мой. — П.К.) является *явлением* (курс. мой. — П.К.) сложным и многоуровневым, в котором *политическая модернизация* (курс. мой. — П.К.) занимает главенствующее место” [16, с. 26]. Таким образом, О.Ткач убеждает нас в том, что явление является явлением, а политическая модернизация является важным элементом политической модернизации. Более высокую степень тавтологичности трудно представить.

¹ В целом слабое знание членами сообщества ритуала выдающихся ученых в сфере модернизационных и региональных исследований (area studies) заметно и в том, что такой представитель культа модернизации, как О.Ткач, искажает имена даже общеизвестных ученых. Благодаря ему мы узнаем о существовании такого исследователя, как Д.Линц [17, с. 10], которого на самом деле зовут Хуан Линц; сталкиваемся также с С.Оффе, который является Клаусом Оффе. Такие ошибки заставляют задуматься, держал ли О.Ткач в руках труды этих мыслителей? Более того, их нет в библиографии его монографии. Несмотря на упоминание имен Б.Мура и Ф.Шмиттера в автореферате, их работ также НЕТ в списке использованной литературы монографии.

кам теории политического развития безусловной — хотя и недостаточной, по оценке рецензентов [40, с. 980], — компетенции в сфере эмпирических исследований отсутствие даже намек на проведение полевых исследований в странах, которые В.Горбатенко и О.Ткач самоуверенно определяют как предмет своего анализа, очередной раз подтверждает ненаучность их подхода. Заслуживает внимания и тот факт, что теория пяти кризисов была разработана на основе анализа опыта стран третьего мира в течение 1960-х годов. Многие из этих государств были явно авторитарными и/или однопартийными режимами (посмотрим под этим углом зрения, скажем, на Вейнерово определение кризиса участия как “конфликта, происходящего тогда, когда правящие элиты считают желание индивидов или групп участвовать в политической системе нелегитимным” [36, с. 187]). То есть применение этой концептуальной матрицы к условиям современной Украины требует переформулирования, но эта задача остается вне интересов сообщества ритуала.

Холт и Тернер доказывают, что теория кризисов и последовательностей политического развития не дает ответа на ряд ключевых вопросов, логически вытекающих из ее основных положений: есть ли теоретические и эмпирические основания утверждать существование последовательности кризисов? какова связь между элементами синдрома развития? каким образом пять кризисов связаны с синдромом развития? Неспособность адекватно отреагировать на эти интеллектуальные вызовы является результатом методологического подхода, который Холт и Тернер называют интуитивными эмпирическими обобщениями, противопоставляя его систематическим эмпирическим обобщениям и аналитико-дедуктивному подходу. В итоге, несмотря на все достижения авторов серии “Исследования по политическому развитию” в целом и “Кризисов и последовательностей политического развития” в частности, их усилия по развитию теории оказались тщетными [40, с. 994], поскольку, по признанию одного из авторов тома С.Вербы, “система координат для изучения политического развития еще не является теорией” [36, с. 283].

Действительно, исследователи имеют право не соглашаться с негативной оценкой идей, которые им импонируют, и могут продолжать использовать их при условии соблюдения двух требований: во-первых, четкой идентификации источников собственного вдохновения; во-вторых, обоснования своего несогласия с доминантной критической установкой относительно текстов, которые они считают необходимым применять как базовый скелет собственных построений. Итак, мы снова являемся свидетелями заимствования и жалких попыток использования чужих наработок, которые к тому же не имеют статуса аксиомы. Но членам сообщества ритуала сомнения не свойственны, что снова доказывает, что мышление членов этой группы руководствуется не методом критического анализа, о котором упоминает, к примеру, О.Ткач [17, с. 3], а верой в авторитет непроясненного происхождения (последняя же черта служит базовым признаком религиозного сознания).

Предмет анализа

На фоне непрозрачного и весьма произвольного обращения с первоисточниками и классическими трудами академические интересы представителей сообщества ритуала поражают своей нереалистичной амбициозностью. В.Горбатенко, хоть и направляет свой взгляд на модернизацию Украины, параллельно рассматривает развитие модернизации западных стран и

профанирует решение задачи по созданию моделей модернизации девяти стран: Японии, Южной Кореи, Индии, Турции, Чили, Бразилии, Алжира, Китая и Польши. Г.Зеленько более “реалистична”, ограничиваясь двумя странами — Украиной и Польшей, тогда как О.Ткач претендует на освещение политической модернизации всей Латинской Америки.

Подобная гигантомания, что касается масштабности предмета исследования, имеет угрожающе негативные методологические последствия: искусственная депроблематизация сложных вопросов, которые якобы объясняются, подменяет собой научный анализ, цель которого — идентификация проблем и поиск путей их решения. Жизнерадостная самоуверенность сообщества ритуала имеет своей опорой **НЕЗНАНИЕ**, поскольку уже для Экклезиаста было очевидно, что “кто умножает познания, умножает скорбь” (Экклезиаст 1:18); между тем каждая строка эрудита Вебера демонстрирует как его сомнения, так и мучительный поиск “истины”.

Но, может быть, теоретико-методологическая и историографическая несостоятельность публикаций членов сообщества ритуала компенсируются богатством эмпирического материала и знакомством с социально-политическими реалиями стран, упоминаемых в их монографиях? К сожалению, и здесь нас ожидает разочарование. За исключением Г.Зеленько, которая пользуется хоть какими-то эмпирическими данными о развитии Польши и Украины, два других автора этого не делают в принципе. Поэтому их построения невозможно оценить в системе координат существующего общественно-научного знания, ведь суждения представителей культа модернизации о “реальных обществах” — воспользуюсь перефразированным выражением Дж.Александера [41] — в основном имеют анекдотический характер (примечательно, что в английском языке существует даже термин “anecdotal evidence”, обозначающий данные, базирующиеся на анекдотах, логических ошибках и не поддающиеся проверке при помощи научного метода). Итак, “исследовательская” программа, которая разрабатывается сообществом ритуала, — не что иное, как пародия на единство теоретического и эмпирического: ее представители искажают теоретические взгляды ведущих представителей академического дискурса и создают генерализации на хлипкой основе анекдотов, стереотипов, спекуляций и фальшивой патетики¹.

Пренебрежение собственными проблемами с логикой и эмпирией члены культа модернизации компенсируют суровым отношением к другим. Так, О.Ткач решительно провозглашает: “Теоретико-методологические

¹ В текстах глашатаев этого сообщества мы встречаем и звон струн гитары В.Хары, и скромных, человеколюбивых японцев, и погруженных в мифическое сознание латиноамериканцев. Вместе с тем, претендуя на освещение хода политической модернизации Латинской Америки, — задача, достойная великана Гаргантюа, — О.Ткач ничего не сообщает о факторах более чем семидесятилетней гегемонии Институциональной революционной партии в мексиканской политике, гегемонии, пошатнувшейся в 1997 году (тогда ИРП потеряла большинство в палате депутатов) и в 2000-м, когда впервые с 1930 года представитель ИРП проиграл президентские выборы. Я уж не говорю о такой “мелочи”, как отсутствие Кубы в списке стран Латинской Америки — одно лишь это государство до основания разрушает Ткачеву модель перехода ВСЕЙ Латинской Америки к консолидированной демократии [см.: 17, с. 2]. Даже исследователь с разбушевавшимся воображением не откажется определить кубинское государство-партию как переходящую к консолидированной демократии.

подходы были неудачными” [16, с. 36]. Симптоматично, что автор забывает сообщить, какие именно подходы были неудачными. Уже в следующей фразе он меняет гнев на милость и утешает нас тем, что работы исследователей модернизации все же содержат эмпирический материал, “который позволяет живо представить себе и институциональное, и человеческое измерение этого процесса, то есть ощутить перестройку внутреннего мира самого человека...” [16, с. 36]. Почему-то в собственных текстах члены сообщества ритуала не проявляют желаний ощутить “перестройку внутреннего мира человека”. Собственно в их изложении теряется не только человек, но и целые страны, можно даже утверждать, что в случае О.Ткача “невидимой” для читателя является Латинская Америка (хотя название его монографии “Модернизация политических систем стран Латинской Америки”), что же касается публикации В.Горбатенко, то мы вообще имеем дело с подобием контурной карты, закрашивать которую должен читатель. К примеру, Ткач НЕ ДАЕТ информации собственно о латиноамериканских странах, хотя для реализации такой задачи необязательно даже читать по-испански, достаточно знания английского, ведь в США и Великобритании издаются десятки специализированных журналов, посвященных латиноамериканским исследованиям. Простое сравнение книг Ткача и Горбатенко с одной из публикаций известных специалистов по вопросам перехода к демократии А.Степена и Х.Линца демонстрирует непрофессионализм украинских авторов с точки зрения неумения обрабатывать эмпирические данные. Работа Степена и Линца [42] содержит более 60 таблиц, которые обобщают и представляют эмпирические данные. В работах членов сообщества ритуала искать таблицы напрасно. Это и понятно — им нечего представлять и обобщать, ведь они озабочены глобальными проблемами человечества, в частности негативными импликациями неолиберальной версии модернизации: “Либерализация, приватизация и интеграция в мировой рынок должны принести позитивные результаты. Надежды превращаются в разочарования. Этим умело пользуются консервативные силы” [16, с. 29]. Кроме консервативных сил, волну разочарования мастерски оседлали и движения, выступающие — во всяком случае на уровне риторики — против неолиберального консенсуса, но в тексте Ткача на это нет и намек. Зато мы постоянно встречаем ссылки на кейнсианство, однако ни разу автор не употребляет таких важных для понимания развития Остальных понятий, как “импортзамещающая индустриализация” и “экспортно-ориентированная индустриализация”¹.

¹ По авторитетному свидетельству А.Хиршмана, кейнсианство лишь косвенно повлияло на формирование идеологии и политики импортзамещающей индустриализации [43], сама же эта концепция имела восточноевропейские (румынские) корни [44]. Вообще камлание о нашествии неолиберализма в текстах сообщества ритуала призваны замаскировать невниманье авторов этого направления к конкретно-историческим констелляциям, обуславливающим выбор определенного типа политики, реализуемого “Остальными” (the Rest). Политическая экономия Латинской Америки переживает трансформацию, суть которой заключается в том, что “латиноамериканские лидеры, которые сегодня более прагматичны и меньше полагаются на парадигмы, предлагают более скромные программы реформ. Отказываясь от иллюзий вчерашнего дня, они двигаются вперед. От Чили до Бразилии, включая Мексику, изобретаются “посибилитские” траектории..., тогда как господствующие течения “хороших неолибералов” и “хороших революционеро” переживают упадок” [45, с. 94–95].

Можно ли представить научное исследование о модернизации Латинской Америки без обращения к трудам теоретика зависимого развития Ф.Э.Кардозо? Монография О.Ткача убедительно демонстрирует иррациональное, как для претендента на специальность латиноамериканиста, желание обойти вниманием бразильского ученого и политика, что лишает публикацию украинского автора даже аллюзии на научность. Правда, он упоминает концепции зависимости, но корявость этого пассажа из 13 строк [16, с. 22] может конкурировать разве что с его лаконичностью и “анонимностью”, поскольку никаких ссылок на работы теоретиков зависимости здесь нет. Зато О.Ткач пишет о трагическом опыте Чили 1970–1973 годов как результате реализации этой страной предписаний теоретиков зависимости. То есть, надо понимать, что “Чилийская трагедия” закончилась с переворотом А.Пиночета! Мексике, по мнению Ткача, повезло больше — воплощение ею рекомендаций теоретиков зависимости имело для нее положительные последствия в 1980–1990 годах. Абсурдность последнего утверждения делает императивным его опровержение, даже если абстрагироваться от вопроса о том, проявлял ли когда-либо мексиканский истеблишмент симпатии к теории зависимости. Во-первых, 1980-е годы в Мексике ни в коем случае нельзя рассматривать как успешные: именно в этот период страна стала особенно зависимой от займов, источниками которых были мировые финансовые рынки, более того, в августе 1982 года в этой стране разразился дефолт. По версии выдающегося британского специалиста по политической экономии С.Стрендж, финансовые инновации и интеграция Мексики в международные финансовые рынки послужили толчком для президента Х.Л.Портило (1976–1982) и его окружения к тому, чтобы хранить капиталы, накопленные за время правления, не в Мексике, инвестируя их в недвижимость, землю или бизнес, а в зарубежных, в основном американских, финансовых институтах. Таким образом началось бегство капитала из страны, углубившее зависимость Мексики от внешних источников финансовых ресурсов, которые предоставлялись на условиях, все более жестких пропорционально усилению этой зависимости. С тех пор Мексика получила сомнительную славу “инициатора” кризиса задолженности стран третьего мира, ставшего господствующим трендом 1980-х годов [46]. Во-вторых, начиная с 1982-го, Мексика торила путь неолиберальных реформ [см. подр.: 47], однако в 1994–1995 годах разразился второй кризис, вошедший в историю как “кризис песо”.

В.Горбатенко принадлежит другое достижение: ему с “непревзойденной” точностью “удается” датировать начало модернизации Южной Кореи — она стартует сразу же после военного переворота 1961 года [13, с. 70]. Бросается в глаза тот факт, что ни японские истоки корейской индустриализации и государства, способствующего развитию, ни роль США в экономическом подъеме этого американского протектората не попали в круг его рассмотрения. Этому автору присуще своего рода “мюнхгаузенское объяснение” факторов успешной модернизации: подобно знаменитому барону, который сам вытащил себя из болота за волосы, японцы достигли экономического прогресса исключительно благодаря своей самодисциплине и скромности. Не лишним оказалось и свойственное японской традиции “человеколюбие” [см.: 13, с. 69]. Интересно, как бы отреагировали на Горбатенков социотип японцев сотни тысяч жертв так называемого изнасилования Нанкина или тысячи принудительно помещенных в бордели имперской армии китайских и корейских женщин, не говоря уже о солдатах союзников,

находившихся в японском плену? Более того, согласно обоснованному выводу Ч.Джонсона, неспособность понять тот факт, что японская система высоких темпов роста “была продуктом одного из самых болезненных переходов к модерну, свидетельствовала бы о нашей антиисторичности и плохой осведомленности (курс. мой. — П.К.)” [48, с. 306–307].

Впрочем, в системе ценностей сообщества ритуала японская скромность оказывается неконкурентоспособной по сравнению с событием, которое Горбатенко называет “Народно-освободительной войной украинского народа XVII ст.”, которая привела к “созданию украинского национального государства в форме Казацкой республики”, причем процесс развития государства получил мощное идеологическое обеспечение и освящение со стороны Православной Церкви на фоне творческой активности масс [см.: 13, с. 89–90]. Тезисы украинского автора неадекватны эмпирической социальной реальности, “насыщенное описание” (К.Гирц) которой мы имеем в своем распоряжении благодаря исследованиям процессов формирования наций и национальных государств такими учеными, как Б.Андерсон, Э.Геллнер и Э.Хобсбаум. Методологическая ошибка Горбатенко заключается в том, что он совершает проекцию в прошлое мобилизационного потенциала социальных и политических институций XX века. Именно в течение прошлого века потенциал политических институций в плане мобилизации и принуждения достиг такого беспрецедентного уровня, что представитель философской и социологической школы, сформировавшейся вокруг журнала “Праксин”, С.Стоянович даже пришел к выводу о целесообразности трансформации Гегелевой диалектики господина и раба в диалектику господина и вещи ради более точного описания реальности, порожденной Освенцимом и ГУЛАГом [49, с. 151].

Блестящие исследования Н.Яковенко также являются убедительным аргументом против применения жаргона советского научного коммунизма к пестрой палитре минувших эпох, поскольку “творческая активность масс” нередко выливалась в казацкие грабежи православных монастырей, соборов и украинских городов. Реальные казаки совсем не были похожи на странный научно-коммунистический “мультиязычный” симбиоз, который продуцируется в недрах сообщества ритуала, поскольку, по словам Н.Яковенко, ““побратимство оружия” брало верх даже над христианско-мусульманским барьером... Этот беглый обзор “побратимства оружия” всех воинов — коронных и литовских жолнеров, казаков, татар, русских, немцев-наемников и т.п. — преследует цель подчеркнуть важную для нашей проблемы линию водораздела, а именно: профессиональные воины воспринимали свое метасообщество как определенную целость, объединенную опасной профессией. “Своими” в ней были только профессиональные воины (в том числе и вражеской армии), тогда как гражданское население трактуется в категории “чужих”: его грабили, а во время боевых действий и уничтожали без малейших укоров совести — горожан и крестьян, единоверцев и людей иной конфессии, шляхтичей и простолюдинов. ...Не менее выразительно и деление на “добрых” казаков, то есть профессиональных воинов, и “хлам” — мещан и крестьян, приставших к казацкому войску...” [50, с. 200–201].

Очевидно, что сетка категорий, предложенная членами культуры модернизации, неадекватна задачам анализа как современных обществ, так и их предшественников, поскольку место исследовательских практик занимает применение практик ритуальных, суть которых — в агрессивном нежелании по-

грузаться в эмпирические реалии при помощи рационального познавательного инструментария. Вне всякого сомнения, аутентичная исследовательская программа модернизации была не лишена идеологической составляющей, но “доза” этой идеологичности не достигала такого критического уровня, чтобы обесценить ее конструкции, которые, кроме того, всегда имели политическую (policy) направленность, солидный теоретико-методологический фундамент и опирались на разнообразие эмпирических данных. Поэтому теория модернизации в своем западном варианте имела целью не только интеллектуальное истолкование траектории постколониальных обществ, она также стала весьма пригодным орудием поощрения изменений, способных приблизить эти страны к западным моделям и в то же время отдалить от “Московского центра”. В отличие от этого деятельность сторонников сообщества ритуала гипостазировывает создание идеологии, которая, по Гирцу, является разновидностью культурной системы, одной из тех “программ”, которые “поставляют нам шаблоны и планы для организации социальных и психологических процессов”, они также являются “картами проблемной социальной реальности и матрицами для творения коллективного сознания” [51, с. 216; 220]. Сообщество ритуала выдвигает комфортную для себя картину мира, которая, вероятно, помогает ее членам постичь смысл мироустройства, найти свое место в нем и реализовать собственные прагматические интересы — однако они не оперируют когнитивной составляющей картины мира, то есть идеями как средством познания социума.

Выводы

В начале этой статьи я задавался вопросом, заслуживают ли вообще внимания авторы, практикующие культ модернизации? Ведь они малоизвестны за пределами своего сообщества, печатаются в основном в малотиражных изданиях и вообще не слишком заметны в интеллектуальной жизни Украины. Однако нельзя недооценивать опасности такой профанации научной деятельности. В свое время Сталин очертил важность “винтиков” для функционирования тоталитарных политических институций. Так и эти авторы являются теми винтиками, которые поддерживают бесперебойное функционирование и расширенное воспроизводство сообщества, которое на практике отрицает все принципы современной науки и порождает наукообразную по форме, но абсолютно пустую по содержанию имитацию исследовательской деятельности. Эта имитация является воплощением некомпетентности с точки зрения *невладения* ее представителями как релевантными теориями, так и эмпирическими данными. Убогость мышления представителей культа модернизации нередко подчеркивает убогая стилистика их публикаций, напоминающая пародии М.Зоценко и М.Булгакова на язык мелких служащих, а именно домоуправов и представителей советской системы жилищно-коммунального хозяйства¹.

М.Буравой весьма точно охарактеризовал опасность ритуализированного подхода к социально-научной деятельности на примере Советского Союза, в условиях которого правда о природе ленинизма скрывалась не только от за-

¹ Парадигматическим примером этого стиля служит следующий пассаж: “Таким образом, вопрос о первичности политических и экономических преобразований оставался нераскрытым. Поскольку девелопментализм не давал четкого ответа на вопрос” [16, с. 22].

рубежных ученых, но и от советского правящего класса, что превратило его в беспомощного наблюдателя собственной дезинтеграции¹ [8, с. 777]. Буравой также упрекнул специалистов по постсоветским исследованиям в том, что они возродили теорию модернизации в ее наиболее упрощенной форме — “развитие в форме стадий, сдерживаемое культурным лагом” [8, с. 782]. Члены сообщества культа модернизации всю эту контрверзность феномена модернизации оставляют “за кадром”, а искусственное упрощение их усилиями комплексных проблем имеет своим следствием “туман знакомой парадигмы” и неспособность постичь разнообразие институций конкретных обществ.

В свое время Сократ заметил, что он сможет понять философию Гераклита во всей ее полноте только с помощью делосского ныряльщика. Содержание высказываний представителей сообщества ритуала модернизации вряд ли откроется даже мистагогу, поскольку их суждения просто лишены содержания, а аналитические рассуждения систематически подменяются имитацией мышления². Кстати замечу, что Ф.Энгельс почувствовал опасность распространения марксизма, неожиданным следствием которого стало использование материалистического понимания истории как повода *не* изучать историю, хотя, по твердому убеждению соратника Маркса, их учение было призвано стать стимулом изучать всю историю заново [см.: 52, с. 3–4]. Создается впечатление, что члены сообщества ритуала решили сознательно действовать вопреки призывам классика, поскольку они применяют исследовательскую программу модернизации как заменитель истмата, считая, что полностью ее поняли и могут оперировать ею, ритуально усвоив лишь отдельные ее положения. К сожалению, восприятие любой теории в духе культа карго превращает ее в “похвалу глупости”.

Заканчивая, еще раз хочу акцентировать то, что я не преследовал цели систематически полемизировать с постулатами членов сообщества ритуала: такая задача просто неосуществима из-за наличия нелепостей, алогизмов, ошибок, тривиальностей и упрощений фактически на каждой странице их текстов. Создание каталога этих “достижений” потребовало бы тома, равного по объему печатной продукции этого сообщества. Моей целью было обозначить основные черты стиля мышления представителей сообщества модернизации, мышления, типологически подобного описанному Л.Леви-Брюлем паралогическому сознанию, которое французский мыслитель считал чертой жизни архаических народов. Итак, если резюмировать, воспроизводство такого стиля мышления сегодня индивидами, живущими в условиях модерна и претендующими на академический анализ современного социума, ничем не

1 Понятно, что установку наблюдателя сменила ориентация на деятельность по накоплению капитала в экономической сфере и национализм в сфере политики.

2 “Со временем элиты осознали свою роль. Отпала потребность в репрессивных режимах”, а значит, “базовым измерением активности становится взаимодействие людей” [16, с. 294; 295], — уверенно провозглашает О.Ткач. Интересно, в какие периоды истории человеческая активность обходилась без взаимодействия людей? В свою очередь, видение Горбатенко более пессимистично: он сообщает, что “ученые даже не исключают возможности самоуничтожения человеческой цивилизации”, но разбавляет свой пессимизм дозой сдержанного оптимизма: оказывается, “человечеству, как и всему живому на планете, свойственно стремление к выживанию, которое и оставляет надежду на дальнейшее существование” [13, с. 177].

оправдано. Антидотом против распространения культовых практик в исследовательской деятельности может стать отрицание, в Веберовом стиле, субъективных пристрастий в научных интересах и возрождение Гоулднеровой культуры критического дискурса, направленной на сферу не только социальных конфликтов, но и интеллектуального (включая псевдоинтеллектуальное) производства.

Литература

1. *Chalcraft D.* Bringing the Text Back In // *Organizing Modernity: New Weberian Perspective on Work, Organization and Society* / Ed. by L.J.Ray, M.Reed. — L.; N.Y., 1994.
2. *Hung H.* Orientalist Knowledge and Social Theories: China and the European Conceptions of East-West Differences from 1600 to 1900 // *Sociological Theory*. — 2003. — Vol. 21, № 3. — P. 254–280.
3. *Wallerstein I.* The Essential Wallerstein. — N.Y., 2000.
4. *Кутуев П.В.* Концепції розвитку та модернізації: еволюція дослідницьких програм соціологічного дискурсу. — К., 2005.
5. *Tiryakian E.* Modernisation: Exhumetur in Pace (Rethinking Macrosociology in the 1990s) // *International Sociology*. — 1991. — Vol. 6, № 2. — P. 165–180.
6. *Andorka R.* The Socialist System and its Collapse in Hungary: An Interpretation in Terms of Modernisation Theory // *International Sociology*. — 1993. — Vol. 8, № 3. — P. 317–337.
7. *Burawoy M.* Transition without Transformation: Russia's Involutionary Road to Capitalism // *East European Politics and Societies*. — 2001. — Vol. 15, № 2. — P. 269–290.
8. *Burawoy M.* The End of Sovietology and the Renaissance of Modernization Theory // *Contemporary Sociology*. — 1992. — Vol. 21, № 6. — P. 774–785.
9. *Eyal G., Szelünyi I., Townsley E.* The Utopia of Postsocialist Theory and the Ironic View of History in Neoclassical Sociology // *American Journal of Sociology*. — 2001. — Vol. 106, № 4. — P. 1121–1128.
10. *Eyal G., Szelünyi I., Townsley E.* On Irony: An Invitation to Neoclassical Sociology // *Thesis Eleven*. — 2003. — № 73. — P. 5–41.
11. *Мамардашвили М.К.* Мысль под запретом (Беседы с А.Эпельбуэн) // *Вопросы философии*. — 1992. — № 5. — С. 100–115.
12. *Кутуев П.* Франкова ПереОРИЕНТація: засадничі припущення та імплікації для соціологічного теоретизування // *Наукові записки Національного університету "Києво-Могилянська академія". Серія: Соціологічні науки*. — 2006. — Т. 58. — С. 3–12.
13. *Горбатенко В.П.* Стратегія модернізації суспільства: Україна і світ на зламі тисячоліть. — К., 1999.
14. *Горбатенко В.П.* Модернізація українського суспільства у контексті сучасних цивілізаційних процесів: Автореф. дис. ... д-ра політ. наук. — К., 1999.
15. *Зеленько Г.* "Навздогінна модернізація": досвід Польщі та України. — К., 2003.
16. *Ткач О.І.* Модернізація політичних систем країн Латинської Америки (політологічний аналіз). — К., 2006.
17. *Ткач О.І.* Стратегія політичної модернізації країн Латинської Америки: Автореф. дис. ... д-ра політ. наук. — К., 2007.
18. *Геллнер Э.* Разум и культура: Историческая роль рациональности и рационализма. — М., 2003.
19. *Декарт Р.* Рассуждение о методе // *Соч.: В 2-х т.* — М., 1989. — Т. 1. — С. 250–296.
20. *Wuthnow R.* Communities of Discourse: Ideology and Social Structure in the Reformation, the Enlightenment, and European Socialism. — Cambridge, 1989.
21. *Топоров В.Н.* О ритуале. Введение в проблематику // *Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках*. — М., 1988. — С. 7–60.
22. Cargo cult // http://en.wikipedia.org/wiki/Cargo_cult.
23. *Федотова В.Г.* Модернизация "другой" Европы. — М., 1997.

25. *Zarubina H.H.* Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. — М., 1998.
26. *Goldstone J.* The Rise of the West — or Not? A Revision to Socio-economic History // Sociological Theory. — 2000. — Vol. 18, № 2. — P. 175–194.
27. *Abu-Lughud J.L.* Before European Hegemony: The World System A.D. 1250–1350. — N.Y.; Oxford, 1989.
28. *Frank A.G.* ReORIENT: Global Economy in the Asian Age. — Berkeley, 1998.
29. *Arrighi G., Hui P., Hung H.F., Selden M.* Historical Capitalism, East and West // The Resurgence of East Asia: 500, 150 and 50 year Perspectives / Ed. by G.Arrighi, T.Hamashita, M.Selden. — L.; N.Y., 2003. — P. 259–333.
30. *Кутюев П.В.* Від європейського дива до азійської гегемонії: трансформація сучасної соціологічної теорії // Мультиверсум. Філософський альманах : Збірка наукових праць. — К., 2007. — Вип. 61. — С. 226–244.
31. *Кутюев П.* Мировая система как предмет социологического анализа: новая исследовательская программа А.Г.Франка // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2007. — № 2. — С. 17–35.
32. *Alexander J.C.* The Centrality of the Classics // Social Theory Today / Ed. by A.Giddens, J.Turner. — Stanford, 1987. — P. 11–57.
33. *Smith P.H.* Democracy in Latin America: Political Change in Comparative Perspective. — N.Y., 2005.
34. *Кутюев П.В.* Критична теорія модерну Алена Турена // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна. “Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи”. — 2007. — № 761. — С. 25–29.
35. *Иноземцев В.Л.* Пределы “догоняющего развития”. — М., 2000.
36. Crises and Sequences in Political Development / Ed. by L.Binder. — Princeton, 1971.
37. *Lane R.* The Art of Comparative Politics. — Needham Heights, 1997.
38. Formation of National States in Western Europe / Ed. by C.Tilly. — Princeton, 1975.
39. Crises of Political Development in Europe and the United States / Ed. by R.Grew. — Princeton, 1978.
40. *Holt R.T., Turner J.E.* Crises and Sequences in Collective Theory Development // American Political Science Review. — 1975. — Vol. 69, № 3. — P. 979–994.
41. Real Civil Societies: Dilemmas of Institutionalizations / Ed. by J.C.Alexander. — L., 1998.
42. *Linz J., Stepan A.* Problems of Democratic Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. — Baltimore; L., 1996.
43. *Hirschman A.* Essays in Trespassing: Economics to Politics and Beyond. — Cambridge, 1981.
44. *Love J.L.* Crafting the Third World: Theorizing Underdevelopment in Rumania and Brazil. — Stanford, 1996.
45. *Santiso J.* Latin America’s Political Economy of the Possible: Beyond Good Revolutionaries and Free-Marketeters. — Cambridge; L., 2006.
46. *Strange S.* The New World of Debt // New Left Review. — 1998. — № 230. — P. 91–114.
47. *Fourcade-Gourinchas M., Babb S.L.* The Rebirth of the Liberal Creed: Paths to Neoliberalism in Four Countries // American Journal of Sociology. — 2002. — Vol. 108, № 3. — P. 533–579.
48. *Johnson C.* MITI and Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–1975. — Stanford, 1982.
49. *Стоянович С.* От марксизма к постмарксизму // Вопросы философии. — 1990. — № 1. — С. 145–154.
50. *Яковенко Н.* Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. — К., 2002.
51. *Geertz C.* The Interpretation of Cultures: Selected Essays. — N.Y., 1973.
52. *Энгельс Ф.* Письма об историческом материализме, 1890–1894. — М., 1986.

